

Мозги на тарелке *Новые Известия - 2001 - 6 дек - С. 7*

Вл. Огнев. «Амнистия таланту». М., Слово/Slovo, 2001

Имя Владимира Огнева страна отчетливо расслышала, когда его нещадно ругали. А ругали его за то, что он пытался придать официальный статус поэзии Сельвинского, Кирсанова, Вознесенского, Ахмадулиной и Евтушенко. Словом, поддерживал в поэзии конца 50-х все живое и еле дышащее.

В этой критике кроме несомненного поэтического чутья был еще и фронтовой запал поколения, пришедшего в литературу из окопов. Надо отдать должное этим смелым и одаренным людям. Первый литературный бой они приняли и выдержали еще в 1947-м, когда Сталин, чтобы заглушить в

стране послевоенные ожидания, развязал отчаянную фашистскую кампанию борьбы с «космополитами безродными». Изобретать новую идеологию было некогда, поэтому в спешке были взяты напрокат у побежденной Германии основные тезисы Геббельса. Под ударом оказался покровитель Огнева и его шеф Константин Симонов. В «Литературную газету», которую возглавлял первый поэт страны, пришло письмо из Бердичева с благодарностью за то, что редактор защищает евреев. Это была прямая провокация Лубянки. Огнев, узнав об опасности, предупредил Симонова, и тот сказал: «Спасибо, Володя! Я никогда этого не забуду». А затем Симонову пришлось произнести антисемитскую речь, чтобы вывести из-под удара себя и газету, где до этого евреев не увольняли. После речи, конечно, посыпались увольнения с неизбежными репрессиями. Огнев очень точно определяет суть кампании борьбы с космополитизмом, как и всех последующих идеологических кампаний в литературе. Дело было вовсе не в противостоянии евреев и антисемитов, а в извечной борьбе бездарности с талантом. Бездарность, говорит Огнев, чтобы, будучи ничем, стать чем-то, легко группируется и обрушивается на все талантливое и живое. Таким графоманом и литературным палачом был поэт и драматург Софронов, автор «бессмертной» «Стряпухи». Их стряпня в те годы была не только неаппетитной, но и кровавой. Ныне она всего лишь безвкусна. И слава Богу.

Огневу стоило в свое время большого мужества не уйти от Симонова под начало «железного Шурика» – Шелепина. Правда, его верность «Литературной газете» Симонов оплатил повышенным окладом и придумал для Огнева особую должность спецкора, которая давала право самому выбирать, как и о чем писать. Разумеется, в дозволенных пределах. Эти пределы Огнев частенько нарушал, поэтому его имя на несколько лет было вымарано из литературы, пока во время хрущевской оттепели за него не вступился сам Степан Щипачев. Огнев в этот период стал критическим вождем лучших советских поэтов второй половины XX века. Но партия и правительство вовремя спохватились и обвинили Огнева вместе с другими талантливыми критиками в групповщине. Тогда-то, в начале 60-х, и прозвучала крылатая фраза критика: «Какая там групповщина? Просто одни прочитали «Капитанскую дочку», а другие не прочитали».

Впоследствии, после того как Огневу у себя на квартире пришлось отпаивать горячим чаем Андрея Вознесенского после разноса, учиненного Хрущевым поэту новой волны, критик сделал крутой вираж в сторону почвенников и гужевикиков. Теперь он хвалил не полузапрещенных поэтов, а куда более традиционного и даже консервативного в поэзии Твардовского. В прозе ему понравился Распутин. Одним словом, Огнев умело и вполне органично вписался в некий литературный центр, который позволил ему вплоть до сегодняшних дней остаться крупным литературным функционером, возглавляя богатейшую и никому теперь не подвластную организацию под названием «Международный Литфонд».

Приведу довольно забавную и в чем-то трагическую мемуарную новеллу Огнева. Сидел он как-то за столом в ресторане Центрального Дома литераторов с последним футуристом Виктором Шкловским. Шкловский заказал мозги-фри, но критик ничего про это не знал. Вдруг он увидел, что пол под ним стремительно поднимается, приближая его голову к потолку. На самом деле это на него падала громадная люстра. Последнее, что он увидел, была тарелка, забрызганная кровью, и на ней свои мозги. «Не может быть, – подумал критик, – если бы это были мои мозги, я бы их не увидел». На этом сознание и отключилось.

В этой сжатой новелле вся жизнь одаренного литератора в советской системе. Люстра, которая висела над всеми, готовая вот-вот упасть и разможжить башку каждому непокорному, – это КГБ. Комфорт, гарантированный послушным, – это ресторан ЦДЛ. И лучший образ талантливой литературы в Советском Союзе – окровавленные мозги на тарелке. Своими мемуарами Огнев хотел бы амнистировать все талантливое. Но амнистия превратилась в справедливый суд над бездарностью.

Константин КЕДРОВ, «Новые Известия».